

DOI: 10.31857/S086904990015421-5

Оригинальная статья / Original Article

Армения в условиях начального этапа римско-персидского противостояния (227–338 гг.)

© В.А. ДМИТРИЕВ

ДМИТРИЕВ Владимир Алексеевич, Псковский государственный университет (Псков, Россия), dva_psk@mail.ru

Территория Армянского нагорья с глубокой древности представляла собой контактную зону, которая привлекала внимание соседних держав из-за своего крайне выгодного геополитического положения. В эпоху Поздней античности борьбу за контроль над Арменией поэтапно вели две мировые державы – сначала Рим и Парфия, а позже (и активнее всего) – Римская империя и сасанидский Иран. Положение Армении резко ухудшилось после 227 г., когда на смену ослабленному войнами с Римом Парфянскому царству пришла Персидская держава Сасанидов. Между тем в существующей историографии основное внимание уделяют военно-политическим событиям IV века, финалом которых стал раздел Армянского государства между Римом и Ираном в 387 г. В связи с этим цель данной работы – определить место и роль Армении в контексте борьбы Рима и Ирана за гегемонию в Передней Азии на протяжении первого столетия существования Сасанидской державы, а именно – с ее возникновения (227 г.) до истечения срока действия заключенного в 298 г. Первого Нисибисского договора (338 г.). Проведенное исследование показывает, что на протяжении изучаемого периода римско-персидско-армянские отношения представляли собой весьма динамично меняющуюся систему, в истории которой довольно четко прослеживается три этапа: 1) 227–252 гг.; 2) 252–298 гг.; 3) 298–338 гг. Первый этап характеризуется постепенным усилением позиций Ирана на Ближнем Востоке в целом и на Южном Кавказе в частности, что привело к завоеванию персами Армении и включению ее в состав сасанидского Ирана (252 г.). Второй этап стал временем постепенного восстановления армянской государственности, чему в немалой степени способствовала, с одной стороны, поддержка со стороны Римской империи, к концу III в. преодолевшей кризис и стремившейся возродить прежнее могущество, а с другой – внутренняя нестабильность в царстве Сасанидов, последовавшая за смертью шаханшаха Ормизда I (272–273 гг.). Характерными чертами третьего этапа (298–338 гг.) стало дальнейшее сближение Рима и Армении, усиление в Армении римского влияния и постепенное нарастание римско-персидских противоречий по вопросу о контроле над Армянским царством, что привело обе державы к возобновлению полномасштабного вооруженного противостояния.

Ключевые слова: Армянское царство, сасанидский Иран, Римская империя, римско-персидские войны, Поздняя античность, международные отношения, военная история.

Для цитирования: Дмитриев В.А. (2021) Армения в условиях начального этапа римско-персидского противостояния (227–338 гг.) // Общественные науки и современность. № 3. С. 121–135. DOI: 10.31857/S086904990015421-5

Armenia in the Context of the Initial Stage of the Roman-Persian Confrontation (227–338 AD)

© V. DMITRIEV

Vladimir A. Dmitriev, Pskov State University (Pskov, Russia). E-mail: dva_psk@mail.ru

Abstract. Since ancient times, the territory of the Armenian Highlands was attracting attention of the neighboring powers due to its extremely advantageous geopolitical position. In the Late Antiquity period the struggle for control over Armenia was gradually waged between two world powers – first Rome and Parthia, and later (and most actively) – between the Roman Empire and Sassanian Iran. Armenia's position worsened sharply after 227, when the Parthian kingdom, weakened by the wars with Rome, was replaced by the powerful Sasanian Persia. Meanwhile, in the existing historiography attention is mostly directed towards the military-political events of the 4th century, which resulted in the division of the Armenian kingdom between Rome and Iran in 387. In this regard, the purpose of this work is to determine the place and role of Armenia in the context of the struggle between Rome and Iran for hegemony in the Near East during the first century of the existence of the Sasanian power, namely, from the moment of her emergence (227) until the expiration of the First Treaty of Nisibis in 298 (338). Our study shows that during this period Roman-Persian-Armenian relations were a very dynamically changing system. Evolution of the said system can be divided into three stages: 1) 227–252 AD; 2) 252–298 AD; 3) 298–338 AD. The first stage is characterized by a gradual strengthening of Iran's positions in the Middle East in general and in the South Caucasus in particular, which led to the conquest of Armenia by the Persians and her integration into Sasanian Iran (252). In the second stage the Armenian statehood was gradually restoring, which was largely facilitated, on the one hand, by the support from the Roman Empire overcoming the crisis by the end of the 3rd century AD and striving for the revival of the former power, and on the other – internal instability in the kingdom of the Sasanids after the death of Shahanshah Hormizd I (272–273). The third stage (298–338) can be defined by the rapprochement between Rome and Great Armenia, the strengthening of Roman influence in Armenia and the gradual growth of Roman-Persian contradictions over the control of the Great Armenian kingdom, which resulted in an open confrontation in 337–338 AD.

Keywords: Armenian kingdom, Sasanian Iran, Roman Empire, Roman-Persian wars, Late Antiquity, international relations, military history.

Citation: Dmitriev A. (2021) Armenia in the Context of the Initial Stage of the Roman-Persian Confrontation (227–338 AD). *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 121–135. DOI: 10.31857/S086904990015421-5 (In Russ.)

Недавнее обострение карабахского конфликта, в который оказались вовлечены многие международные акторы [Айвазян 2020; Гегелаишвили 2020; Маслакова-Клауберг, Садыкова 2020], в очередной раз напомнило о том, что Южный Кавказ в целом и Армения в частности – это место на политической карте мира, в котором пересекаются интересы целого ряда глобальных и региональных игроков.

Следует иметь в виду, что столь важное геополитическое значение Армения и сопредельные территории приобрели не в недавнем прошлом, а еще в глубокой древности. Уже во второй половине II тыс. до н.э. правители Ассирийской державы совершали неоднократные походы на территорию Армянского нагорья, где в ту эпоху начиналось формирование государства Урарту [Пиотровский 1959, 43–45]. Затем, на протяжении более тысячи лет, названия «Урарту» и (с VI в. до н.э.) «Армения» регулярно появляются в источниках при описании бесконечных войн и походов, которыми в указанный период (как, впрочем, и позже) изобиловала история Ближнего Востока.

Могущественных соседей эти территории привлекали прежде всего тем, что здесь с древнейших времен располагались богатые города и процветающие сельские поселе-

ния. На рубеже XII–XI вв. до н.э. ассирийский царь Тиглатпаласар I составил надпись о своих успешных вторжениях в Урарту, в которой говорится о захваченных в качестве добычи огромных стадах домашнего скота [Дьяконов 1951, 273]. Данные ассирийской эпиграфики подтверждаются более поздними сведениями античных авторов. Так, Геродот (V в. до н.э.) спустя шесть столетий отмечал, что армяне «богаты скотом» [Herod. V.49], а Ксенофонт (V–IV вв. до н.э.) называет Армению «страной обширной и богатой» [Xen. Anab. V.5. 25–34].

Роль Армении¹ в международных отношениях значительно усилилась в I в. до н.э., когда вплотную к ее границам приблизились владения двух ведущих держав Средиземноморско-переднеазиатского региона того времени – Рима и Парфии. В ходе продолжавшихся три последующих столетия римско-парфянских войн обе стороны систематически пытались установить свой контроль над Арменией. Армянские правители были вынуждены постоянно лавировать между могущественными соседями, чтобы обезопасить свою страну и свой народ от чужеземной опасности, которая грозила как с запада, так и с востока.

Притягательность Армении для обеих империй обуславливалась целым комплексом конкретно-исторических факторов – помимо упомянутых выше общих моментов. Прежде всего, речь идет о чрезвычайно выгодном географическом положении страны, которая в этом смысле служила связующим мостом между Ираном, с одной стороны, и Передней Азией, где находились римские владения, – с другой. С этим была связана значимость и военно-стратегического положения Армении, так как через ее территорию проходили важные и удобные для перемещения больших масс людей коммуникации. Используя их, стороны могли совершать военные вторжения на территорию противника².

Значимость Армении для Рима и Парфии была продиктована и чисто военным фактором. Как римляне, так и парфяне стремились использовать в своих интересах армянские войска и особенно армянскую конницу. Она считалась одной из лучших кавалерий своего времени [Кудрявцев 1956, 767].

С приходом к власти в Иране в 227 г.³ новой персидской династии Сасанидов, первые внешнеполитические шаги которой носили ярко выраженный агрессивный характер, международное положение Армении стало еще более сложным. Римско-персидские отношения на протяжении III и большей части IV вв., вплоть до фактического раздела Армении между Римом и Ираном в 387 г., во многом определялась «армянским» фактором. Данная тенденция связана с тем, что каждая из противоборствовавших держав стремилась включить Армению в свою сферу влияния и заставить ее проводить соответствующую внешнюю политику. В историографии основное внимание уделяется связанным с Арменией и хорошо освещенным в источниках военно-политическим событиям IV в., прямым следствием которых и стала ликвидация армянской государственности. Между тем драматические события III – начала IV вв., которые были прологом к ожесточенной борьбе великих держав за Армению в IV в., не нашли должного отражения в трудах специалистов. В связи с данной особенностью цель настоящей работы – определить место и роль Армении

¹ В данной статье мы намеренно избегаем применения наименования «Великая Армения» в отношении Древнеармянского государства, поскольку данное обозначение имеет скорее публицистический, нежели научный характер. В настоящее время оно остается предметом ожесточенных дискуссий между националистически настроенными армянскими исследователями и их оппонентами из числа прежде всего представителей Азербайджана. Кроме того, в научно-историческом обороте прочно закрепилось обозначение Древней Армении именно как «Армении», а не «Великой Армении», что нашло отражение, например, в трехтомной «Истории Древнего мира» [Неронова 1989, 275–294], шеститомной «Истории Востока» [Рыбаков 2002, 530–542], шеститомной «Всемирной истории» [Чубарьян 2012, 106–115] и других академических изданиях.

² Аврелий Виктор, сообщая о событиях конца III в., прямо говорит о том, что через Армению лежал «единственный и более легкий путь к победе» над персами [Aug. Vict. De Caes. XXXIX.34].

³ Здесь и далее все даты – н.э.

в контексте борьбы Рима и Ирана за гегемонию в Передней Азии на протяжении первого столетия существования Сасанидской державы, а именно – с ее возникновения (227 г.) до истечения срока действия заключенного в 298 г. Первого Нисибисского договора (338 г.).

**Возникновение Сасанидской державы:
начало римско-персидского конфликта за Армению и смежные страны (227–252)**

Отмеченные выше факторы, которые обусловили интерес к Армянскому государству со стороны Рима и Парфии, не только сохранялись, но и усугублялись в сасанидскую эпоху. Прежде всего, это было связано с тем, что в начале IV в. государственной религией Армении стало христианство, и антиармянская направленность внешней политики исповедовавшего зороастризм сасанидского Ирана стала еще заметней. Государственно-религиозная система данного государства отличалась крайней нетерпимостью к представителям иных конфессий⁴. После того, как был издан Медиоланский эдикт (313 г.), а христианство приобрело в Римской империи статус *religia licita*, Сасаниды стали воспринимать Армянское царство как союзника Рима, что не могло не повлечь за собой очередную эскалацию напряженности вокруг Армении.

Определенную роль в изменении геополитического положения Армении, которое произошло вследствие появления на месте Парфянского царства могущественной Сасанидской державы, сыграл и династический фактор. Начиная с I в., на армянском престоле находились члены одной из ветвей рода Аршакидов – того же, представители которого правили и в Парфии. В связи с данным фактом взаимоотношения Парфянского и Армянского царств были если не исключительно добрососедскими, то, по крайней мере, не однозначно антагонистическими. Утвердившаяся же в Иране в начале III в. персидская династия Сасанидов крайне враждебно относилась к своим предшественникам. Враждебность отчасти была перенесена и на родственников свергнутых персами парфянских царей – армянских Аршакидов (Аршакуни) [Тревер 1959, 173]. Следует отметить, что неприязнь персидских Сасанидов в отношении армянских Аршакидов не была неким предубеждением, но имела под собой вполне конкретные основания. Как сообщает Дион Кассий, после победы над последним аршакидским правителем Артабаном V (216–224 гг.) и установления контроля над большей частью владений, ранее принадлежавших парфянским царям, основатель империи Сасанидов Ардашир I Папакан (227–242 гг.) «устремился в Армению». Там ему, однако, «дали отпор некоторые мидийцы и сыновья Артабана, так что одни рассказывают, что он бежал, а другие – что отступил, дабы собрать более многочисленное войско» [Cass. Dio. LXXX.3.3]. Таким образом, отношения между персами и армянами с первых же шагов приобрели конфронтационный характер, и во многом из-за того, что армянские цари поддерживали родственную им парфянскую династию, которая была свергнута Ардаширом I и нашла прибежище в Армении.

Говоря о событиях начального этапа борьбы Рима и Ирана за контроль над Арменией, следует отметить, что здесь много неясного. Так, из сообщения «отца армянской историографии» Мовсеса Хоренаци (V в.) можно сделать вывод, что уже при Ардашире I Сасаниды оккупировали Армянское царство и включили его в состав своей державы: «...Объявив письменным указом нашу страну своей данницей, [Ардашир] полностью закрепляет ее за собой... И владел он нашей страной как одной из своих провинций, через посредство персидских управителей в течение двадцати шести лет, а вслед за ним – его сын, названный Шапухом, что означает царский сын, в течение одного года» [Мовсес Хоренаци. II.77].

⁴ Эта черта еще более усилилась на рубеже III–IV вв., в период деятельности Кердира – верховного жреца сасанидского Ирана; см.: [Duchesne-Guillemin 1983, 878–885; Фрай 2002, 299–303; Дмитриев 2019, 89–91].

Однако из других источников (прежде всего, античных) следует, что временная ликвидация независимости Армении и превращение ее в провинцию сасанидского Ирана произошло несколько позже, в царствование Шапура I (242–272 гг.) (см. ниже). Очевидно, что в данном случае Хоренаци допустил хронологическую ошибку, отнеся события, произошедшие при Шапуре, к правлению его отца, Ардашира Папакана. Кроме того, армянский историк перепутал не только Ардашира I с Шапуrom I, но и Шапура I с Ормиздом I, поскольку «в течение одного года» правил не Шапур I, царствование которого длилось 30 лет, а его сын Ормизд I (272–273 гг.).

В ближайшие десятилетия события вокруг Армении развивались не в пользу Рима. После неудачного для римлян вторжения в Персию (244 г.) римский император Филипп Араб (244–249) и Шапур I заключили мирный договор, в соответствии с которым Рим, кроме прочего, соглашался на переход Армянского царства под контроль Ирана [Euagr. Hist. Eccl. V.7⁵; Zonar. XII.19]. Судя по всему, влияние Ирана распространилось и на соседние с Арменией Иберию и Албанию [Toumanoff 1969a, 18]⁶.

Вскоре после заключения договора в 244 г. правивший в западной части Армении царь Хосров II развернул активную антиперсидскую деятельность [Агатангелос, 21–23]. Он понимал, что силы армян и персов не равны, и обратился за помощью к Риму. Как пишет Мовсес Хоренаци, «по причине смут, возникших в империи, Филипп не мог найти для римских легионов досуга и послать их на помощь Хосрову; но он помог ему грамотой, приказав всем провинциям ему содействовать. Получив такое повеление, спешат к нему на помощь из Египта и из пустыни до берегов Понта. С таким множеством войска Хосров идет на Ардашира⁷, дает ему сражение, обращает в бегство и отнимает у него Ассирию и другие страны с царским местопребыванием» [Мовсес Хоренаци. II.72]. Таким образом, Рим вмешался в ситуацию в Армении, явно нарушив условия соглашения, подписанного несколькими годами ранее. Вероятно, именно это имел в виду Шапур I, предвзято пассаж, посвященный победоносной кампании против римлян, фразой: «И Цезарь вновь солгал и причинил зло Армении» [ŠKZ. Parth. 4; Gr. 10].

От персидского завоевания Армении к восстановлению армянской государственности (252–298 гг.)

В историографии нет единого мнения о хронологии данных событий. Связано это, прежде всего, с тем, что данные армянских авторов очень противоречивы, а потому не позволяют сколько-нибудь уверенно датировать гибель Хосрова и вторжение персов

⁵ Это сообщение Евагрия несколько противоречиво. С одной стороны, он говорит об утрате римлянами при Филиппе Арабе влияния только в Персармении. Так в VI в., когда жил Евагрий, называли восточную (большую) часть бывшего Армянского царства, отошедшую к Ирану по договору 387 г. С другой стороны, он тут же утверждает, что раньше Персармения называлась Армений, в то время как в действительности в состав последней, помимо Персармении, входили и западные (в годы жизни Евагрия принадлежавшие Византии) армянские земли. Таким образом, из слов Евагрия не совсем ясно, в какой части Армении по договору 244 г. Иран получил свободу действий: только в Восточной Армении (будущей Персармении) или на всей территории Армении. В существующей историографии встречаются обе точки зрения, однако представляется, что в 244 г. под контроль Сасанидов перешла только восточная часть Армении (см. также: [Луконин 1969, 55; Peachin 1991, 341–342]).

⁶ Впрочем, если персидский протекторат над Иберией и Албанией был установлен и не в результате подписания договора между Филиппом Арабом и Шапуrom I, то это произошло в ближайшее время. По сообщениям поздних грузинских источников (в частности, Леонтия Мровели (XI в.) [Leon. Mrov., 43]), Иберия во второй половине III в. выступала как союзник Ирана и противник Армении и Рима. В трехязычной (составленной на древнегреческом, пехлеви и среднеперсидском языках) надписи Шапура I на Каабе Зороастра (далее – ŠKZ), знаменитом памятнике сасанидской эпиграфики из окрестностей Персеполя, датированном 262 г., Иберия и Албания упоминаются уже как шахры (провинции либо зависимые территории) Сасанидской державы [ŠKZ. Parth. 1–2; Gr. 3].

⁷ Так в источнике; на самом деле это мог быть только Шапур I.

в Армению. Наименее спорной представляется точка зрения В. Г. Лукониной, по мнению которого нападение Хосрова II на Персию может быть отнесено к 249 г. [Луконин 1987, 221], поскольку в это время, если верить Мовсесу Хоренаци, еще был жив Филипп Араб.

Ответное вторжение персов в Армению следует отнести к периоду не позднее правления в Риме Требониана Галла (251–253 гг.), на что прямо указывает Зонара [Zonar. XII.21]. Важно учесть, что императором Требониан Галл стал во второй половине 251 г., и что персы начали кампанию против Армении в этом году, поскольку осенью и зимой боевые действия в Древности и Средневековье обычно не вели. Остаются две возможные даты нападения персов на Армению – 252 и 253 гг., причем на этот же период приходится и начало новой войны с Римом (которая, как было отмечено выше, началась до вступления на трон императора Валериана (осень 253 г.). Нужно иметь в виду, что на одновременный удар по Армении и Риму Шапур I вряд ли бы решился, поскольку ведение войны на два фронта было бы крайне опрометчивым шагом для такого грамотного стратега. Из всего сказанного следует, что вторжение Шапура в Армению следует отнести к 252 г., а начало боевых действий против Рима – к 253 г.⁸ Отчасти указанная датировка начала войны с Римом подтверждается сообщениями Табари и «Хрониками Сирта», согласно которым в римские владения Шапур I вторгся на 11-ом году своего правления [Tabari. 826; Chron. Seert. 2], то есть в 252 или 253 гг. Что же касается гибели армянского царя, то ее нужно датировать 250-м или, что наиболее вероятно, 251 г., поскольку, если верить армянским историкам, ко времени нападения персов на Армению Хосров был уже мертв.

Таким образом, в 252 г. Армянское царство подверглось персидскому вторжению и оккупации. В результате в надписи Шапура I на Каабе Зороастра мы обнаруживаем титул «великий царь Армении» (ср.-перс. *vuzurg šāh arminān*), которого удостоился один из сыновей Шапура I, будущий шаханшах Ормизд-Ардашир [ŠKZ. MP. 23, 25; Parth. 18, 20; Gr. 40–41, 48]. Он, в отличие от правителей других «царств», входивших в состав сасанидского Ирана или зависимых от него, именовался не просто царем, а великим царем. Судя по данному факту, Армения в границах Сасанидской державы пользовалась привилегированным статусом. Вскоре после вторжения в Армению воздвигли зороастрийский храм огня, в котором должно было «поддерживаться неугасимым» «пламя Ормузда» [Мовсес Хоренаци. II.77]⁹ [Choksy 2007, 253]. Вероятно, речь в данном случае идет об одном из упомянутых в ŠKZ «огней Варахрана» (ср.-перс. *ādur varhrām*), посвященному, как говорится в той же надписи, Ормизду и названному здесь «огонь Хосров-Ормазд-Ардашир» (ср.-перс. *ādur-ē husraw-ohrmazd-ardašēr*) [ŠKZ. MP. 23]. Очевидно, что учреждение персами в оккупированных армянских землях царского храма огня имело скорее идеологическое, нежели религиозное значение. Данный шаг был исполнен для того, чтобы продемонстрировать прочность власти Сасанидов в Армении.

В 272–273 гг. Ормизд занимал сасанидский трон, и мы не знаем, кто был персидским наместником в армянских землях на протяжении этого периода. После смерти Ормизда I престол перешел сначала к его брату Варахрану I (273–276 гг.), а затем к сыну и внуку Варахрана I – Варахрану II (276–293 гг.) и Варахрану III (293 г.) соответственно. В течение всего этого двадцатилетия Армянским наместничеством управлял Нарсе – сын Шапура I и брат Варахрана I. В 293 г. Нарсе отстранил от власти своего внучатого племянника, юного Варахрана III, и вступил на трон.

С воцарением Нарсе связаны события, имеющие самое непосредственное отношение к Армении. Дело в том, что в надписи Нарсе из Пайкули (NPi), составленной вскоре после победы над Варахраном III, в ряду монархов, поздравивших Нарсе с восшествием на престол, встречается имя «Тирдата царя» (*Tirdāt šāh*) (NPi. 92). Совершенно ясно, что речь

⁸ О хронологии событий см. также: [Мехмадиев 2015, 112; Мехмадиев 2020, т. 1, 134, 227].

⁹ Мовсес Хоренаци ошибочно относит это событие к правлению Ардашира Папакана.

в данном случае идет о царе Армении Трдате (Тиридате) III (287–330 гг.). Исходя из этого, можно заключить, что в 293 г., одновременно с приходом к власти Нарсе (до того, напомним, наместника Армении¹⁰) главой Армении стал Трдат III – но уже в качестве суверенного правителя. Иными словами, Трдат занял место покинувшего Армению Нарсе. Однако, согласно армянским источникам, Трдат стал царем за несколько лет до этого – на третьем году правления римского императора Диоклетиана (284–305 гг.) [Мовсес Хоренаци. II.82], т.е., вероятнее всего, в 287 г. В таком случае возникает, казалось бы, парадоксальная ситуация: с 287 по 293 гг. Арменией одновременно управляли два человека – царь Трдат и сасанидский наместник Нарсе. Однако эту проблему можно легко решить, если предположить, что с 287 по 293 гг. Трдат являлся лишь «титულлярным» царем, которого формально признавала часть армянской знати и/или Рим. Либо, что вероятнее всего, он был царем и *de jure* и *de facto*, но управлял не всей Арменией, а только небольшой (вероятно, западной, непосредственно примыкающей к римской границе) ее частью.

Упоминание о Трдате как о царе в надписи Нарсе из Пайкули означает, что с 293 г. и сасанидский Иран официально признавал его в качестве суверена Армении. Скорее всего, такие подвижки стали следствием участия Трдата в конфликте между Варахраном III Нарсе на стороне последнего [Potter 2004, 292]. Тем не менее, было бы преждевременным датировать превращение Трдата в полновластного армянского царя 293 годом. Как мы увидим чуть ниже, переход всей Армении под контроль Трдата должен быть отнесен к несколько более позднему времени, а именно к 298 или 299 г. Отправка Трдатом послов ко двору Нарсе и его поздравления в адрес шаханшаха, очевидно, были продиктованы политическими соображениями. Армянский царь хотел укрепить свою власть и выстроить добрососедские отношения с новым сасанидским правителем, чтобы избежать каких-либо антиармянских шагов с персидской стороны¹¹.

Одной из первоочередных задач шаханшаха Нарсе стала борьба с окрепшей за годы правления Диоклетиана Римской империей. Столкновение держав было лишь вопросом времени. Инициатором новой римско-персидской войны формально стал Нарсе, однако столь решительные шаги персов спровоцировали сами римляне, которые в нарушение условий римско-персидского договора 244 г. регулярно вмешивались в армянские дела и рассматривали Армянское царство как плацдарм для возможного вторжения в Иран. Косвенное подтверждение приводят армянские авторы. Так, историк V в. Агатангелос пишет, что Диоклетиан¹² «премного возвеличил Трдата, одарил его великими милостями, возложил на его голову корону и почтил багряными хламидами. И [император] отдал ему, принявшему облик императора, вознесенному великолепию императорских украшений, большое вспомогательное войско и отправил в его собственную страну Армению... Вступив на армянскую землю, царь нашел здесь большое персидское войско, которое захватило, подчинило себе страну. Многих он истребил, и многих, обратив в бегство, отбросил в Персию. И он овладел принадлежавшим ему по наследству царством и укрепился на его границах» [Агатангелос, 46–47]. Согласно Павстосу Бузанду, армянский царь¹³ «возлагал надежды на императора и на его войска и намеревался отнять персидское царство у рода Сасана, говоря, что «это государство принадлежало нам и нашим отцам» [Павстос Бузанд. III.20].

¹⁰ Согласно надписи из Пайкули, до воцарения в Ктесифоне Нарсе носил титул «царя Армении» (*šāh arminān*), однако ряд специалистов полагает, что титул Нарсе в его бытность наместником Армении звучал как «великий царь Армении» (*vuzurg šāh arminān*), как и в случае с его старшим братом Ормиздом-Ардаширом (см., напр.: [Weber 2016]).

¹¹ К. Л. Туманов предлагает другой, более сложный и, на наш взгляд, содержащий слишком много натяжек вариант решения вопроса о хронологии событий, связанных с правлением Тиридата III и персидско-армянскими отношениями на рубеже 280-х – 290-х гг. (см.: [Toumanoff 1969°, 233–281]).

¹² У Агатангелоса он ошибочно назван Лицинием (308–324 гг.).

¹³ В данном случае Павстос Бузанд имеет в виду царя Тирана (338–350 гг.), что является очевидным анахронизмом применительно к событиям конца III в., и речь в данном случае, несомненно, идет о Трдате III.

Из всего вышесказанного становится понятным, почему свой первый удар в 296 г. персы обрушили именно на Армению. Сообщение о персидском вторжении содержится у Аммиана Марцеллина, который попутно отмечает, что Армения «находилась в зависимости от Рима» (*Romano iuri obnoxia*) [Amm. Marc. XXIII.5.11]¹⁴, а также у византийских авторов Феофана Исповедника [Theoph. A.M. 5793] и Зонары [Zonar. XII.31], согласно которым персидскому вторжению подверглась не только Армения, но и Сирия. Эпично описывает нашествие персов на Армению Павстос Бузанд: «Со стороны востока двинулся сам персидский царь Нерсех, имея намерение захватить, сжечь, разорить и опустошить армянскую страну и завоевать ее со всеми пределами. Он двинулся со всеми своими войсками, со всем имуществом, с большим караваном, с множеством слонов, с огромным количеством припасов, с главным гаремным шатром, со всеми женами и с царицей цариц; прибыв, он вторгся в пределы Армении и занял всю страну» [Павстос Бузанд. III.21].

Организацией обороны восточных провинций Империи от персидского вторжения занимался соправитель Диоклетиана цезарь Галерий. Решающее сражение между войсками римлян и персов произошло летом 297 г.¹⁵ между городами Каллиник (Никефорий) и Карры [Eutrop. IX.24; Oros. VII.25.4¹⁶; Theoph. A.M. 5793]. Победа персов была полной. Ошеломленный неудачей цезарь Галерий был вынужден спасать свою жизнь бегством¹⁷. Основными причинами поражения римлян античные авторы считают значительное численное превосходство персидской армии и неосмотрительность цезаря, слишком поспешно вступившего в бой без должной подготовки [Eutrop. IX.24; Fest. 25].

Диоклетиан крайне холодно встретил Галерия. По словам римских историков, цезарь подвергся публичному унижению: на виду у всего войска он, подобно рабу, шел пешком за колесницей императора в своих пурпурных одеяниях [Eutrop. IX.24; Fest. 25; Amm. Marc. XIV.11.10; Oros. VII.25.9; Theoph. A.M. 5793]. Мера оказалась действенной: уже вскоре Галерий набрал новые легионы, и в 298 г. объединенное римско-армянское 25-тысячное войско [Fest. 25] вновь вторглось в Армению.

Согласно Павстосу Бузанду, римляне и персы сблизились друг с другом «в гаваре Басеан, в деревне по названию Осха» [Павстос Бузанд. III.21], близ современного Эрзурума. Узнав о том, что ничего не подозревавшее войско персов остановилось на привал совсем неподалеку от римлян, Галерий, переодевшись торговцем, во главе небольшой группы разведчиков-армян лично проник внутрь вражеского лагеря, где собрал всю необходимую информацию о войске противника [Synes. De reg. 17; Fest. 25; Eutrop. IX.25; Павстос Бузанд. III.21].

Успешная разведка позволила римлянам провести внезапную – и потому успешную – атаку на расположение персов. Персы были наголову разбиты и бежали с поля боя, однако хуже всего было то, что в римском плену оказались жены и дети Нарсе, то ли случайно забытые в лагере во время беспорядочного бегства персидской армии, то ли сознательно

¹⁴ Урсула Вебер ставит под сомнение сообщение Аммиана Марцеллина и то, что начало войне было положено вторжением Нарсе на территорию Армении [Weber 2012, 219–22] и выдвигает тезис, согласно которому Нарсе не мог начать войну ударом по Армении, поскольку последняя «находилась под властью Сасанидов с момента ее завоевания Шапуром I в 252/253 г. до вступления Нарсе на трон в 293 г., а, возможно, и до римско-персидского мирного договора 298 г.»

¹⁵ Вопрос о хронологии событий римско-персидского конфликта конца III в. до сих пор остается дискуссионным. Историографию вопроса см.: [Мехмадиев 2020, т. 1, 401–415].

¹⁶ Здесь же Орозий отмечает, что данное сражение было уже третьим по счету в этой войне, однако о первых двух он ничего не сообщает.

¹⁷ В связи с этим весьма странным выглядит утверждение Ч.М. Одала о том, что «обе стороны понесли тяжелые потери и отступили» [Odahl 2004, 50]. Евтропий и Фест совершенно однозначно характеризуют сражение при Каллинике как неудачное для римлян: первый обозначает это событие как «*proelium insecundum*» [Eutrop. IX.24], а второй прямо говорит о том, что цезарь был вынужден отступить (*Maximianus Caesar... pulsus recessit*) [Fest. 25]. В том же ключе описывают исход битвы Юлиан Отступник [Iul. Or. I.18A–B], Аврелий Виктор [Aug. Vict. De Caes. XXXIX.34], Орозий Павел [Oros. VII.25.4] и др. авторы.

оставленные здесь шаханшахом на милость победителя. Кроме того, в плену оказалось много представителей персидской знати [Hieron. Chron. S.A. 302; Oros. VII.25.11; Amm. Marc. XXII. 4.8; Fest. 14, 25; Aur. Vict. *De Caes.* XXXIX.35; Iord. Get. 110; Theoph. A.M. 5793; Malal. Chron. XII.308; Zonar. XII.31]. В честь одержанной победы в Фессалониках воздвигли триумфальную арку [Laubscher 1975].

Наиболее подробное описание последовавших римско-персидских мирных переговоров содержится в сочинении Петра Патрикия. Согласно Петру [Petr. Patr. Fr. 13], римская сторона выдвинула фактически ультиматум, включавший пять ключевых пунктов:

- 1) «римлянам владеть на востоке Интилиной с Софиной, Арзаниной вместе с Кардуинами и Завдикиной»;
- 2) «реке Тигр быть границей обоих государств»;
- 3) «замку Зинфе, лежащему на границе Мидии, быть пределом Армении»;
- 4) «царю ивирийскому получать знаки своей верховной власти от римлян»;
- 5) «месту для торговли быть Нисивии, городу, лежащему на Тигре».

Понимая, что в создавшемся положении он лишен возможности сопротивляться давлению Рима, Нарсе был вынужден согласиться с этими условиями и подписать мирный договор, составленный под диктовку римлян.

Основные пункты этого соглашения, вошедшего в историю как Первый Нисибисский договор, уже рассматривались нами ранее, а потому здесь мы ограничимся отсылкой к соответствующей публикации [Дмитриев 2020, 452–454]. Лишь вкратце отметим, что основное условие договора, которое заключалось в уступке Ираном пяти располагавшихся в пределах исторической Армении областей, следует соотносить с данными Аммиана Марцеллина, сообщаящего более достоверную информацию. Он дает несколько иной по сравнению с Петром Патрикием перечень уступаемых Персией территорий (в терминологии Аммиана – «затигрских», лежащих на левом берегу Тигра) областей (*regiones Transtigritani*): Арзанена, Моксоена, Забдигена, Регимена и Кордуена [Amm. Marc. XXV.7.9]. Кроме того, превращение царя Иберии¹⁸ в вассала Рима на фоне распространения римского влияния на Армению еще сильнее усиливало Римскую империю на Южном Кавказе. Непосредственно же для Армении подписание Нисибисского договора означало окончательное восстановление (хотя и под римским протекторатом) своей государственности, ограниченной в 244 г., полностью ликвидированной в 252 г. и частично восстановленной в 280-х гг. Возможно также, что с 298 г. под власть Трдата III перешли и те области Армении (*regiones Transtigritani*, которые упоминал Аммиан), которые до тех пор оставались под контролем Сасанидов¹⁹. Более того, в начале IV в. Трдат принял христианство, что окончательно противопоставило Армению Ирану и сделало ее еще более верным вассалом Римской империи.

Армения между Римом и Ираном в 298–338 гг.: неустойчивое равновесие и нарастание противоречий

Заключение Нисибисского договора на какое-то время привнесло некоторую стабильность в международные отношения на Ближнем Востоке. По крайней мере, о сколько-нибудь крупных конфликтах между Римом и Ираном, в том числе с участием Армении или в связи с ней, в источниках ничего не говорится. Вместе с тем, в двусторонних отношениях между самой Арменией и ее могущественными соседями все было не столь благополучно. Так, согласно Евсевию Кесарийскому, римский император Максимин Даза (305–313 гг.) неза-

¹⁸ Имеется в виду царь иберов Михран III (284–361), согласно Мовсесу Хоренаци принимавший участие в походах Трдата III против персов [Мовсес Хоренаци. II.85] [Дмитриев 2020, с. 454].

¹⁹ См., однако: [Гарсоян 1971, 56–57], где высказываются серьезные сомнения в суверенитете армянских Аршакидов над транстигританскими областями.

долго до своей смерти (судя по всему, в 312 г.) провел неудачную кампанию против армян в попытке восстановить в Армении язычество [Euseb. Hist. Eccl. IX.8.2–4]. Иоанн Малала [Malal. Chron. XII.311–312] освещает эти события более подробно, но объясняет их несколько иначе. По его словам, все началось с того, что армяне восстали против римлян. Когда в ответ на это римская армия вторглась на территорию царства, они решили искать помощи у Ирана. Пользуясь тем, что Максимин увяз в Армении, персы якобы вторглись в римскую провинцию Осроену, где захватили и разрушили город Максимианополь (в последующие столетия известный как Константина [Mango 1991]). В любом случае, речь в источниках идет об антиримских действиях армян, которые совсем недавно состояли в дружественных отношениях с Империей. Возникает резонный вопрос о причинах столь странного поведения Армении. Вероятно, следует согласиться с К. Мосиг-Вальбург, по мнению которой конфликт между Римом и Арменией произошел из-за стремления последней освободиться от слишком плотной опеки римлян [Mosig-Walburg 2006]²⁰.

Однако вскоре ситуация изменилась: в 313 г. императоры Константин (306–337 гг.) и Лициний (308–324 гг.) издадут Медиоланский эдикт, который предоставил христианам свободу вероисповедания и обусловил новое сближение Рима и Армении²¹. Так, Мовсес Хоренаци сообщает, что незадолго до победы Константина Великого над Лицинием (то есть до 324 г.) имели место боевые действия между римлянами и персами, причем вместе с римским действовало армянское войско во главе с царем Трдатом III [Мовсес Хоренаци. II.87]. Приблизительно в это же время между Трдатом и Константином был заключен договор о том, «что они будут твердо и вечно хранить неизменную любовь между их царствами», а император, кроме того, «будет всеми имеющимися силами поддерживать армянского царя в вере в Святую Троицу» [Агатангелос. 877].

Правивший в это время в Иране шаханшах Шапур II (309–379) в начале своего царствования занимался восстановлением персидского влияния в отпавших от Сасанидской державы в период кризиса рубежа III–IV вв. Аравии и Кушаншахре, а также решением внутренних проблем [Дмитриев 2019, 121–127]. По этой причине в первой трети IV в. у персов не было возможностей организовать сколь-нибудь крупномасштабные акции в отношении Рима. Не был готов к открытому конфликту и Рим, где совсем недавно, в 324 г., завершилась многолетняя борьба между Константином и Лицинием и было восстановлено единство Империи.

Однако к 330-м гг. ситуация в Риме и Иране стабилизировалась, и теперь каких-либо серьезных препятствий на пути к возобновлению борьбы между ними не было. Первый шаг, судя по всему, сделала римская сторона. Якобы узнав о том, «что среди

²⁰ См., однако: [Мехамадиев 2015, 118–125; Мехамадиев 2020, т. 2, 199–226], где целью введения римских войск в Армению обозначено не что иное, как защита римских (а заодно и армянских) владений от вторжения неких «северных племен». Исследователь идентифицирует их как гуннов (которых он, к слову, почему-то считает тюрками), а сами действия римлян трактует как предпринятые с согласия и даже при поддержке армян. Более того, «вторжение гуннов», по мысли Е. А. Мехамадиева, было инспирировано Сасанидами [Мехамадиев 2020, т. 2, 219]. Здесь не место для подробного анализа аргументации автора, но на наш взгляд она недостаточно убедительна хотя бы потому, что из двух источников, содержащих сведения об армянской кампании Максимиана, – синхронной с ней «Церковной истории» Евсевия Кесарийского и составленной спустя почти семь столетий «Истории Тарона» Псевдо-Иоанна Мамиконяна – исследователь, идя наперекор практически всей историографии и никак не объясняя причин своего выбора, отдает предпочтение «Истории Тарона». Завершая тему обороны римлянами своих границ «по призыву Трдата» от «гуннов-тюрков», напасть которых на «независимую Армению» «подговорили персы», отметим, что в указанный период царство Сасанидов находилось в глубоком кризисе, одним из проявлений которого был полный упадок царской власти и превращение ее в сугубо формальный институт (шаханшаху Шапуру II в 312 г. исполнилось всего три года). Персия не только не имела возможности проводить сколь-нибудь активную внешнюю политику, но и сама превратилась в жертву чужеземных вторжений (подробнее см. нашу недавнюю работу: [Дмитриев 2019, 119–123]). В связи с этим и рассмотренное выше сообщение Иоанна Малалы о вторжении персов в Осроену вызывает сомнения в своей достоверности.

²¹ О роли религиозного фактора в отношениях Армении с Римом и Ираном см.: [Гарсоян 1971, 59–62].

персидского народа умножаются Божьи Церкви и собираются многие тысячи овец в стадо Христово» [Euseb. Vit. Const. IV.8]. Константин Великий пишет Шапуру II явно провокационное письмо, в котором призывает персидского царя всеми силами заботиться о проживающих в Персии христианах, чтобы тем самым принести «неопи-суюмую пользу по отношению к Вере» [Euseb. Vit. Const. IV.9–13]. Судя по событий-ному контексту, в котором данное письмо цитирует Евсевий Кесарийский, оно было написано в середине 330-х гг.

Если император хотел подтолкнуть Шапура II к резким шагам, то он достиг своей цели. В качестве своеобразного ответа на послание в Константинополь прибыло персидское посольство, как пишет Либаний, «для спора из-за границ, дабы в случае, если мы уступим ему территорию, овладеть ею без труда, если же отнюдь не уступим, выставить отказ предложением войны» [Liban. Or. LIX.71]. Если учесть, что примерно через 20 лет Шапур вновь требовал от римлян вернуть ему территории «в Армении и Месопотамии», «кото-рые были коварно отняты» у его деда [Amm. Marc. XVII.5.6] Нарсе, можно предположить, что и в данном случае речь шла о все тех же *regiones Transtigritani*.

Константин наотрез отказался выполнить требования персидских послов и начал бое-вые действия [Liban. Or. LIX.72]. Однако в самом начале похода, 22 мая 337 г., император внезапно скончался, находясь в местечке Ахирона близ Никомедии [Aur. Vict. De Caes. XLI.15; Hieron. Chron. S.A. 337]. Продолжать войну с персами пришлось одному из сыновей Константина Великого, получившего в управление восточную часть Римской империи, – Констанцию II (337–361).

Первоочередной задачей нового императора было урегулирование отношений со сво-ими братьями Константином II (337–340) и Константом (337–350), в связи с чем он был вынужден отбыть с римско-персидской границы в Константинополь. Кроме того, из-за раздела Империи у Констанция оказалось гораздо меньше военных ресурсов, чем было у Константина Великого [Iul. Or. I.18C]. Пользуясь сложившейся ситуацией, в том же 337 г. Шапур II направил в Армению войско, которое поддержал ряд знатных армянских родов, недовольные усилением центральной власти при царях Трдате Великом и его преемнике Хосрове III Коротком (330–338)²² [Кудрявцев 1956, 767]. Как отмечает в одной из своих ре-чей император Юлиан Отступник (361–363 гг.), в 337 г.²³ в Армении произошло восстание, и «немалая часть» восставших перешла на сторону персов [Iul. Or. I.18D–19A]. По словам Юлиана, с помощью римских войск бунт вскоре был подавлен [Iul. Or. I.20D–21A], однако вторжение персов положило начало длительному периоду политической нестабильности в Армении. Она сопровождалась, с одной стороны, борьбой царской власти с непокорны-ми нахарарами, а с другой – постоянным вмешательством в армянские дела Сасанидов, которые пытались установить над Арменией свой контроль и сделать ее плацдармом для вторжений в восточные провинции Римской империи.

В том же 337 г. персы осадили Нисибис²⁴, что положило начало новому этапу рим-ско-персидских войн, который длился до конца IV в. и завершился разделом Армении меж-ду Римской империей и сасанидским Ираном в 387 г. Наконец, в 338 г. умер армянский царь Хосров III, и при поддержке римлян на армянский престол вступил его сын Тиран [Мовсес Хоренаци. III.11].

²² Как пишет Мовсес Хоренаци, Хосров «был и ростом мал, и хрупкого телосложения, да и совершенно не походил на человека военного» [Мовсес Хоренаци. III.6]. Кроме того, армянский историк обвиняет преем-ника Тиридата в «малодушии и лени» [Мовсес Хоренаци. III.9], а также отсутствии «отваги и доблести» [Мовсес Хоренаци. III.8].

²³ Дата установлена довольно точно, поскольку, говоря об армянских делах, Юлиан отмечает, что одно-временно с этим происходил съезд сыновей Константина Великого в Паннонии, датируемый летом–осенью 337 г. [Dodgeon, Lieu 1994, 327, ann. 3] и посвященный решению вопроса о разделе Римской империи.

²⁴ Подробнее см.: [Дмитриев 2019, 130–131].

Таким образом, 337–338 гг. стали важным рубежом, который ознаменовал начало нового этапа в истории как римско-персидских отношений, так и зажатой между двумя державами Армении.

Заключение

Таким образом, в первые века н.э. Армянское государство играло важную роль во взаимоотношениях держав, которые боролись за преобладание в Передней Азии. Соперничество за Армению явно обострилось после 227 г., когда на смену ослабленному войнами с Римом Парфянскому царству пришла Персидская держава Сасанидов. Она сразу же ступила на путь внешней экспансии, одним из основных объектов которой стало Армянское царство.

Римско-персидско-армянские отношения на протяжении рассматриваемого периода динамично менялись, и в их истории весьма четко прослеживается три этапа.

Первый этап истории римско-персидско-армянских отношений (227–252 гг.) характеризовался усилением позиций Ирана на Южном Кавказе и завершился завоеванием персами Армении и включением ее в состав сасанидского Ирана (252 г.). *Второй этап* (252–298 гг.) стал временем постепенного восстановления армянской государственности. Этому в немалой степени способствовала поддержка со стороны Римской империи, которая к концу III в. преодолела кризис и стремилась возродить прежнее могущество, а также внутренняя нестабильность в царстве Сасанидов, последовавшая за смертью шаханшаха Ормизда I (272–273 гг.). С тех пор суверенитет Армении носил почти исключительно номинальный характер²⁵, а факт ее существования на протяжении еще целого столетия (до раздела между Римом и Персией в 387 г.) был обусловлен желанием обеих великих держав (Римской империи и сасанидского Ирана) сохранить Армению как буферное государство. Характерными чертами *третьего этапа* (298–338 гг.) стало сближение Рима и Армении, усиление римского влияния в последней и постепенное нарастание римско-персидских противоречий по вопросу о контроле над Армянским царством, которые в 337 г. вылились в открытое вооруженное противостояние.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Айвазян А.С. (2020) Южный Кавказ: рост конфликтного потенциала, внутриполитические изменения // Европейский Союз: факты и комментарии. № 102. С. 98–101.
- Гарсоян Н.Г. (1971) Армения в IV в. (К вопросу уточнения терминов «Армения» и «верность») // Вестник общественных наук Армянской ССР. № 3. С. 55–62.
- Гегелашвили Н.А. (2020) Страны Закавказья в политике Турции и США // США и Канада: экономика, политика, культура. Вып. 50 (10). С. 45–59. DOI: 10.31857/S268667300011805-5.
- Дмитриев В.А. (2019) Политическая история Ирана в эпоху ранних Сасанидов. СПб.: Наука. 186 с.
- Дмитриев В.А. (2020) «Арий, поклоняющийся Ормазду»: к политической биографии шаханшаха Нарсе // Вестник древней истории. № 2 (80). С. 434–461. DOI: 10.31857/S032103910008630-6.
- Дьяконов И.М. (1951) Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту. Раздел I. Предыстория Урарту: период племенных союзов (XIV–IX вв.) // Вестник древней истории. № 2. С. 257–294.
- Кудрявцев О.В. (1956) Армения в III–IV вв. // Всемирная история. В 10 т. Т. 2 / Гл. ред. С.Л. Утченко, Д.П. Каллистова, А.И. Павловской, В.В. Струве. М.: Политиздат. С. 761–770.
- Луконин В.Г. (1969) Культура сасанидского Ирана. Иран в III–V вв. Очерки по истории культуры. М.: Наука. 242 с.

²⁵ После того, как в 252 г. Армению завоевали персы и включили ее в состав Сасанидской державы, армянская государственность была восстановлена только в конце III в. исключительно благодаря поддержке со стороны Римской империи.

- Луконин В.Г. (1987) Древний и раннесредневековый Иран. Очерки истории культуры. М.: Наука. 295 с.
- Маслакова-Клауберг Н. И., Садыкова Э. Л. (2020) Обострение ситуации в Нагорном Карабахе как геополитический вызов // Вестник Института мировых цивилизаций. Т. 11. № 3 (28). С. 51–57.
- Мехамадиев Е. А. (2015) Армения и Римская империя в начале IV в.: проблемы межгосударственных отношений в эпоху правления армянского царя Трдата III // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. № 12. С. 111–133.
- Мехамадиев Е. А. (2020) Военная организация поздней Римской империи во второй половине III – первой половине IV вв.: региональные экспедиционные армии в контексте гражданских войн и римско-персидского противостояния. Дис. ... докт. ист. наук. В 2 т. Санкт-Петербургский институт истории РАН. СПб.
- Неронова В. Д. (ред.) (1989) История Древнего мира. Т. 3. Упадок древних обществ. М.: Наука. 408 с.
- Пиотровский Б. Б. (1959) Ванское царство. М.: Восточная литература. 283 с.
- Рыбаков Р. Б. (ред.) (2002) История Востока. В 6 т. Т. 2. Восток в Средние века. М.: Восточная литература. 716 с.
- Тревер К. В. (1959) Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М. – Л.: АН СССР. 392 с.
- Фрай Р. (2002) Наследие Ирана. М.: Восточная литература. 463 с.
- Чубарьян А. О. (2012) (ред.) Всемирная история. В 6 т. Т. 2. Средневековые цивилизации Запада и Востока. М.: Наука. 894 с.
- Choksy J. K. (2007) Reassessing the Material Contexts of Ritual Fires in Ancient Iran // *Iranica Antiqua*. Vol. 42. Pp. 229–269.
- Dodgeon M. H., Lieu S. N. C. (eds) (1994) *The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars (AD 226–363). A Documentary History*. London; New York: Routledge. 376 p.
- Duchesne-Guillemin J. (1983) Zoroastrian Religion // *Cambridge History of Iran*. Vol. 3. Pt. 2. The Seleucid, Parthian and Sasanian Periods / Ed. by E. Yarshater. Cambridge etc. Pp. 866–908.
- Laubscher H. P. (1975) *Der Reliefschmuck des Galeriusbogens in Thessaloniki*. Berlin: Gebr. Mann Verlag.
- Mango M. M. (1991) *Constantina* // *The Oxford Dictionary of Byzantium*. Vol. 1 / Ed. by A. P. Kazhdan. Oxford: Oxford University Press. P. 497.
- Mosig-Walburg K. (2006) Der Armenienkrieg des Maximinus Daia // *Historia*. Bd. 55. H. 2. S. 247–255.
- Odahl Ch. M. (2004) *Constantine and the Christian Empire*. London; New York: Routledge. 400 p.
- Peachin M. (1991) Philip's Progress: From Mesopotamia to Rome in A.D. 244 // *Historia: Zeitschrift Für Alte Geschichte*, Vol. 40. No. 3. Pp. 331–342.
- Potter D. S. (2004) *The Roman Empire at Bay. AD 180–395*. London; New York: Routledge. 762 p.
- Toumanoff C. (1969a) Chronology of the early kings of Iberia // *Traditio*. Vol. 25. Pp. 1–33.
- Toumanoff C. (1969b) The Third-Century Armenian Arsacids: a Chronological and Genealogical Commentary // *Revue des Études Arméniennes*. T. 6. P. 233–281.
- Weber U. (2012) Narseh, König der Könige von Ērān und Anērān // *Iranica Antiqua*. Vol. 47. P. 153–302.
- Weber U. (2016) Narseh // *Encyclopædia Iranica* (<http://www.iranicaonline.org/articles/narseh-sasanian-king>).

REFERENCES

- Ayvazyan A. S. (2020) Yuzhnyy Kavkaz: rost konfliktного potentsiala, vnutripoliticheskie izmeneniya [South Caucasus: Growth of Conflict Potential, Internal Political Changes]. *Evropeyskiy Soyuz: fakty i kommentarii*, vol. 102, pp. 98–101. DOI: 10.15211/eufacts4202098.
- Choksy J. K. (2007) Reassessing the Material Contexts of Ritual Fires in Ancient Iran. *Iranica Antiqua*, vol. 42, pp. 229–269. DOI: 10.2143/IA.42.0.2017878.
- Chubar'yan A. O. (ed.) (2012) *Vsemirnaya istoriya. V 6 t. T. 2. Srednevekovye tsivilizatsii Zapada i Vostoka* [World History. In 6 vols, vol. 2. Medieval Civilizations of the West and the East]. Moscow: Nauka Press. 894 p.
- Diakonov I. M. (1951) Assiro-vavilonskie istochniki po istorii Urartu. Razdel I. Predystoriya Urartu: period plemennykh soyuzov (XIV–IX vv.) [Assyro-Babylonian Sources on the History of Urartu. Section I. Prehistory of Urartu: the Period of Tribal Unions (XIV–IX Centuries)]. *Vestnik drevney istorii*, № 2, pp. 257–294.

- Dmitriev V. A. (2019) *Politicheskaya istoriya Irana v epokhu rannikh Sasanidov* [A Political History of Iran under Early Sasanians]. Saint Petersburg: Nauka Press. 186 p.
- Dmitriev V. A. (2020) „Ariy, poklonyayushchiysya Ormazdu”: k politicheskoy biografii shakhanshakha Narse [“Aryan Worshipping Ohrmazd”: towards the Political Biography of Shahanshah Narseh]. *Vestnik drevney istorii*, vol. 80, no. 2, pp. 434–461. DOI: 10.31857/S032103910008630-6.
- Dodgeon M. H., Lieu S. N. C. (1994) *The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars (AD 226–363). A Documentary History*. London; New York: Routledge. 376 p.
- Duchesne-Guillemin J. (1983) Zoroastrian Religion. Yarshater E. (ed.) *Cambridge History of Iran. Vol. 3. Pt. 2. The Seleucid, Parthian and Sasanian periods*. Cambridge etc.: Cambridge University Press, pp. 866–908.
- Fray R. (2002) *Nasledie Irana* [The Heritage of Iran]. Moscow: Vostochnaya Literatura Press. 463 p.
- Garsoyan N. G. (1971) Armeniya v IV v. (K voprosu utochneniya terminov “Armeniya” i “vernost”) [Armenia in the IV Century: an Attempt to Redefine the Concepts “Armenia” and “Loyalty”]. *Vestnik obshchestvennykh nauk Akademii nauk Armyanskoy SSR*, № 3, pp. 55–62.
- Gegelashvili N. A. (2020) Strany Zakavkaz’ya v politike Turtsii i SShA [South Caucasian States in the Politics of Turkey and the USA]. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul’tura*, vol. 50 (10), pp. 45–59. DOI: 10.31857/S268667300011805-5.
- Kudryavtsev O. V. (1956) Armeniya v III–IV vv. Utchenko S. L., Kallistov D. P., Pavlovskaya A. I., Struve V. V. (eds.) *Vsemirnaya istoriya* [The World History]. In 10 vols, vol. 2. Moscow: Politizdat, pp. 761–770.
- Laubscher H. P. (1975) *Der Reliefschmuck des Galeriusbogens in Thessaloniki*. Berlin: Gebr. Mann Verlag. 182 S.
- Lukonin V. G. (1969) *Kul’tura sasanidskogo Irana. Iran v III–V vv. Ocherki po istorii kul’tury* [Culture of Sasanian Iran: Iran in the 3rd–5th Centuries AD. Essays on the History of Culture]. Moscow: Nauka Press. 242 p.
- Lukonin V. G. (1987) *Drevniy i rannesrednevekovyy Iran. Ocherki istorii kul’tury* [Ancient and Early Medieval Iran. Essays on the History of Culture]. Moscow: Nauka Press. 295 p.
- Mango M. M. (1991) Constantina. Kazhdan A. P. (ed.) *The Oxford Dictionary of Byzantium*, vol. 1. New York; Oxford: Oxford University Press, p. 497.
- Maslakova-Klauber N. I., Sadykova E. L. (2020) Obostrenie situatsii v Nagornom Karabakhe kak geopoliticheskiy vyzov [Escalation of the Situation in Nagorno-Karabakh as a Geopolitical Challenge]. *Vestnik Instituta mirovykh tsivilizatsiy*, vol. 11, no. 3 (28), pp. 51–57.
- Mekhamadiev Y. A. (2015) Armeniya i Rimskaya imperiya v nachale IV v.: problemy mezhsudarstvennykh otnosheniy v epokhu pravleniya armyanskogo tsarya Trdata III [Armenia and Roman Empire at the Beginning of IV A.D.: the Problems of Interstate Relations under the Reign of Armenian King Tiridates III]. *Problemy sotsial’noy istorii i kul’tury Srednikh vekov i rannego Novogo vremeni*, vol. 12, pp. 111–133.
- Mekhamadiev Y. A. (2020) *Voennaya organizatsiya pozdney Rimskoy imperii vo vtoroy polovine III – pervoy polovine IV vv.: regional’nye ekspeditsionnye armii v kontekste grazhdanskikh voyn i rimsko-persidskogo protivostoyaniya*. [The Military Organization of the Late Roman Empire in the Second Half of the 3rd – First Half of the 4th Centuries: Regional Expeditionary Armies in the Context of Civil Wars and the Roman-Persian Confrontation]. Dissertation of Doctor of Historical Sciences. In 2 vols. The Saint Petersburg Institute of History is a research institute of the Russian Academy of Sciences. Saint Petersburg.
- Mosig-Walburg K. (2006) Der Armenienkrieg des Maximinus Daia. *Historia*, Bd. 55, H. 2, S. 247–255.
- Neronova V. D. (1989) (ed.) *Istorija Drevnego mira. T. 3. Upadok drevnih obshchestv* [The History of the Ancient World. Vol. 3. Decline of Ancient Societies]. Moscow: Nauka Press. 408 p.
- Odahl Ch.M. (2004) *Constantine and the Christian Empire*. London; New York: Routledge. 400 p.
- Peachin M. (1991) Philip’s Progress: From Mesopotamia to Rome in A.D. 244. *Historia: Zeitschrift Für Alte Geschichte*, vol. 40, no. 3, pp. 331–342.
- Piotrovskiy B.B. (1959) *Vanskoe tsarstvo* [Kingdom of Van]. Moscow: Vostochnaya Literatura Press. 283 p.
- Potter D. S. (2004) *The Roman Empire at Bay. AD 180–395*. London; New York: Routledge. 762 p.
- Rybakov R. B. (2002) (ed.) *Istoriya Vostoka. V 6 t. T. 2. Vostok v Srednie veka* [History of the East. In 6 vols, vol. 2. East in the Middle Ages]. Moscow: Vostochnaya Literatura Press. 716 p.
- Toumanoff C. (1969a) Chronology of the Early Kings of Iberia. *Traditio*, vol. 25, pp. 1–33.

Toumanoff C. (1969b) The Third-Century Armenian Arsacids: a Chronological and Genealogical Commentary. *Revue des Études Arméniennes*, t. 6, pp. 233–281.

Trever K. V. (1959) *Ocherki po istorii i kul'ture Kavkazskoy Albanii* [Essays on the History and Culture of Caucasian Albania]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of USSR Press. 392 p.

Weber U. (2012) Narseh, König der Könige von Erân und Anērân. *Iranica Antiqua*, vol. 47, pp. 153–302. DOI: 10.2143/IA.47.0.2141965.

Weber U. (2016) Narseh. *Encyclopædia Iranica* (<http://www.iranicaonline.org/articles/narseh-sasanian-king>).

Об авторе

Дмитриев Владимир Алексеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и регионоведения, старший научный сотрудник Псковского государственного университета. Адрес: Ленина пл., д. 2, Псков, 180000. E-mail: dva_psk@mail.ru

About the author

Vladimir Dmitriev, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Senior Research Fellow, Pskov State University. Address: 2, Lenin sq., Pskov, Russian Federation, 180000. E-mail: dva_psk@mail.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 06.04.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 01.06.2021

Статья принята к публикации / Accepted: 08.06.2021